

УДК(UDC) 327(091)(37:355)"-0064/-0063

DOI: 10.26565/2309-6608-2019-17-01

Syriam esse nostram... (Cic. Flac. 30). Почему Помпей превратил государство Селевкидов в римскую провинцию?

Сергей Литовченко

Статья посвящена превращению царства Селевкидов в римскую провинцию во время восточного похода Гнея Помпея. Несмотря на то, что причины, которые подтолкнули Помпея к созданию новой провинции неоднократно обсуждались в историографии, вопрос о побудительных мотивах римского полководца остается дискуссионным. Вероятно, определенное влияние на действия Помпея имело стремление справиться с внутренней нестабильностью в провинции, которая была вызвана многолетней гражданской войной. Однако анализ источников показывает, что решающее влияние на действия Помпея оказал внешнеполитический фактор — стремление использовать новую провинцию как плацдарм для будущего похода против Парфии. В этом случае можно объяснить и откровенное нарушение римских внешнеполитических принципов — лишение власти признанного Сенатом Антиоха XIII, и военную незащищенность провинции Сирия и намеренное ухудшение отношений с парфянами. Только изменение ситуации в Римской республике не позволило Помпею реализовать свои замыслы.

Ключевые слова: Рим, Помпей, провинция, Парфия, Селевкиды, Сирия.

Про автора: Литовченко Сергій Дмитрович; кандидат історичних наук, доцент; Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, історичний факультет, доцент кафедри стародавнього світу та середніх віків; Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, історичний факультет, пл. Свободи, 4, Харків, 61022, Україна.

e-mail: litovchenkosd@gmail.com; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7602-9534>

Об авторе: Литовченко Сергей Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент; Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, исторический факультет, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков; Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, исторический факультет, пл. Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина;

e-mail: litovchenkosd@gmail.com ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7602-9534>

About the author: Litovchenko Sergey; PhD (History), Associate Professor; V. N. Karazin National University, Schol of History, Associate Professor of Department of the Ancient and Medieval History; V. N. Karazin National University, School of History, Ukraine, Kharkov, Sq. Svobody 4, 61022

© С. Д. Литовченко, 2019

кризис Римской Республики, который привел к серии гражданских конфликтов и кровопролитных войн, в силу многих обстоятельств носил ярко выраженный личностный характер. Названия кланов, группировок и «партий» теряются за громкими именами римских политиков и полководцев. Действительно ли «битва за Рим» была настолько персонализирована или подобный подход нам навязывают античные авторы, но первый век до н. э. невозможно представить без имён Суллы, Цинны, Красса, Цезаря, Помпея, Антония или Октавиана. В то же время, объяснимо и стремление историографии новейшего времени увидеть в конфликтах гражданской войны нечто большее, чем банальную борьбу за личную власть, найти в лозунгах и призывах вождя признаки политической программы и идеологических установок. Что, в свою очередь, позволило бы говорить об альтернативных путях развития Римской державы.

Наиболее ярко эта проблема проявляется в конфликте между Гнеем Помпеем и Гаем Юлием Цезарем, в котором, кроме демонстративно личностного противостояния, можно найти и признаки борьбы идей. По крайней мере, политическая ситуация превратила одну сторону конфликта в защитников республиканского строя. В то же время, десятилетия обмена мнениями между исследователями показали, что дискуссия о сущности противоречий между сторонами конфликта в 40-х гг. до н. э. еще далека от завершения. Если планы и цели Цезаря и цезарианцев, в целом, достаточно подробно раскрыты, то позиция Помпея и помпеянцев продолжает вызывать споры. Исследователи¹ видят в Помпее то, следуя за Т. Моммзенем, безвольного политика (Mommesen 1995, 105), то «Нового Александра», или «республиканского Императора» (Mezheritskiy 2016, 210–212; Amela 2003, 278–280)² или, как недавно было предложено, империалиста-стойка (Morrell 2017, 96). По нашему мнению, специфика источников такова, что однозначная оценка деятельности Помпея практически невозможна. Слишком зависимы труды античных авторов от внутривосточной конъюнктуры, да и никто не опровергал тезис, что историю пишут победители. Но, как нам кажется, если прямые указания в нарративных источниках на планы Помпея могут вызвать сомнения, то есть возможность опереться на косвенные факты, информация о которых не испытала влияния политической борьбы. Результаты внешнеполитической деятельности Помпея также могли подвергнуться ревизии в трудах античных авторов, но, все же, в меньшей степени, чем события гражданской войны. Именно во внешней политике римляне совершали действия, которые могут быть признаны исторически достоверными: начало и окончание войн, заключение договоров, создание провинций. Поэтому обращение к результатам внешнеполитической деятельности Помпея позволит с большой долей вероятности установить не столько глобальные цели и задачи римского полководца и политика, сколько реальные последствия, к которым приводила его деятельность. И, следовательно, определить, как влияла политика Помпея, по его желанию или без, на развитие Римской державы в целом.

Наиболее значимым внешнеполитическим действием Помпея было, безусловно, устройство восточных пределов Рима после окончания Митридатых войн (Leach 1978, 100–101; Amela 2003, 161; Ehling 2013, 273; Beness, Hillard 2013, 147). Одним из важнейших элементов этого устройства стала новая римская провинция Сирия, основанная на месте остатков царства Селевкидов (Eilers 2005, 91). Именно анализ причин формирования этой провинции, факт достоверный и никем из

¹ Недавний историографический анализ деятельности Помпея в конце 60-х гг. до н. э. см. (Ridley 2006).

² О юридической основе власти Помпея см.: (Girardet 1992, 188)

исследователей не оспариваемый, позволит, по нашему мнению, приблизиться к пониманию сущности политики Помпея на Востоке.

Во время триумфального восточного похода легионов Гнея Помпея, как итог военных действий, ряда аннексий и серии мирных и союзных договоров, ситуация в Азии значительно изменилась. Хотя границы Республики двинулись далеко на Восток, собственно Рим получил далеко не все возможные территории. Под власть римлян перешли новые провинции Вифиния-Понт, Сирия и значительно расширенная Киликия. Большие пространства остались во владениях царей и местных династий, которые контролировали центральную и восточную Анатолию, а также все Армянское нагорье (Sherwin-White 1984, 231–233). Было восстановлено или заключено более десятка союзных договоров с азиатскими правителями, чьи владения прикрывали собственно римские провинции. Цари не только с сомнительной лояльностью, но и откровенно враждебные, такие как Тигран II, были провозглашены «друзьями и союзниками римского народа». На первый взгляд, ситуация на римском Востоке не претерпела радикальных изменений. Может показаться, и многие исследователи действительно так считают, что Помпеево устройство полностью соответствует традиционной сенатской внешнеполитической практике II в. до н. э. (Sherwin-White 1984, 227; Gelzer 2005, S. 107), когда римляне крайне неохотно соглашались на расширение собственных заморских владений. И если уж шли на создание новых провинций, то только в крайнем случае, когда не оставалось иного решения.

Однако, по нашему мнению, в случае с Помпеем это не совсем так. Фактически, римский полководец нарушил целых два традиционных принципа римской внешней политики на Востоке: сохранять союзные отношения максимально долго и стараться не расширять собственно римские территории без должной необходимости.

В первую очередь, Помпей целенаправленно испортил отношения с самым значимым римским союзником в Азии (Scullard 2011, 87; Sicker 2000, 145; 149). Парфянское царство, основной римский соратник в борьбе с Тиграном II, в полной мере ощутило на себе недовольство Помпея. Многолетний и злейший враг парфян — армянский царь, превратился в «друга римского народа». Зять парфянского царя — Тигран Младший был в цепях уведен в Рим (Litovchenko 2015, 44). Спорные территории между Парфией и Великой Арменией Помпей передал армянам и подкрепил свое решение введением римских войск. В конце концов, римлянин отказался именовать парфянского царя Фраата «царем царей» (Plut. Rompr., 38, 2; Dio Cass, 37, 6, 1–2), оскорбление явное и демонстративное, повторяющее демарш Лукулла в переписке с Тиграном II. Как бы современные исследователи не оценивали замыслы Помпея (Syme 1995, 89; 121; Liebmann-Frankfort 1969, 297; Sherwin-White 1984, 225; Smykov 2001, 127; Shayegan 2011, 323–324; 329; Lerouge 2007, 61–62; Edwell 2013, 193; Smykov 2013, 122), хотя очевидно, что Помпей, в отличие от Лукулла, немедленно воевать не собирался (Gelzer 2005, 99; Leach 1978, 83; Keaveney 1981, 212; Smykov 2001, 128, прим. 41; Morrell 2017, 182), итогом стало заметное ухудшение римско-парфянских отношений.

Но оскорбления, брошенные Фраату, лишь незначительный эпизод по сравнению с важнейшими решениями Помпея — созданием новой римской провинции Сирии (Dobiáš 1931, 216). Ликвидация остатков государства Селевкидов, на первый взгляд, выглядит совершенно логично: римским владением стали богатейшие плодородные земли, крупные города на пересечении торговых путей, с многочисленными эллинизированным населением. По крайней мере, Сирия была значительно более привлекательным краем, чем горная Киликия.

С другой стороны, традиции римской сенатской дипломатии требовали достаточно веского основания для поглощения независимого государства, которое

считалось союзным, а его правитель был признан «другом и союзником римского народа». В действительности, римляне, конечно, могли сами создать юридические условия для оправдания аннексии, но Помпей этим не озаботился¹. И ликвидация державы Селевкидов превратилась в ничем не прикрытый захват независимого союзного государства (Ball 2000, 11–12).

Кроме сомнительной легитимности, действия Помпея привели к возникновению еще одной проблемы — восточные границы Сирии были открыты (Seager 2002, 62) для прямого удара войск нового противника — Парфии. Вопреки традиции, провинция не была прикрыта от нападения системой зависимых царств, и события ближайших десятилетий показали, с какой лёгкостью парфянская кавалерия прорывалась на ее территорию².

Вероятно, нетипичность создания провинции Сирия породила в литературе (Dobiáš 1931, 216; Will 2003, 505–516; Liebmann-Frankfort 1969, 289–292; Rey-Coquais 1978, 45; Wirth 1983, 54, anm. 143; Sherwin-White 1984, 211–213; Ehling 2008, 272; Steel 2013, 213, not. 7; Morrell 2017, 93–94; Arrayás, Heredia 2017, 131–132.) многолетнюю дискуссию о причинах аннексии Сирийского царства римлянами. В недавней обстоятельной работе К. Элинг назвал три основные причины создания сирийской провинции: 1) необходимость борьбы с пиратством, 2) противостояние возможному усилению парфянского и египетского влияния (sic!), 3) экономические интересы римлян в регионе (Ehling 2008, 273). В статье Е. Смыкова подробно разбирается большинство гипотез о побудительных мотивах Помпея (Смыков 2013, 120–123). Исследователь убедительно опроверг влияние экономических факторов на действия римского полководца³. Не нашло подтверждения в источниках и утверждение о парфянской угрозе, как причине формирования провинции. Не имела, вероятно, большого значения и борьба с пиратством. В итоге Е. Смыков высказался в пользу предположения о внутривосточном хаосе в Сирийском царстве при последних Селевкидах как о решающей причине ликвидации государства (Смыков 2013, 123). Действительно, всю первую половину I в. до н. э. державу Селевкидов сотрясали бесконечные столкновения между претендентами на престол, чем, разумеется, пользовались соседние государства. Постоянные походы, сражения и вторжения вызвали настолько сильное недовольство населения, что часть городской элиты могла обратиться к царю Великой Армении Тиграну II с просьбой о помощи (Mittag 2009, 180). Но лишь первый период правления армянского царя можно было назвать относительно мирным, в 70-е гг. запыхал юг, который подожгла селевкидская царица Клеопатра Селена (Litovchenko 2015, 185). После вывода армянских войск хаос в Сирии возобновился. Хотя Лукулл признал законным царем Селевкидской державы Антиоха XIII, против него выступил другой претендент — Филипп II, начались волнения в городах, вновь появились арабские войска. Очевидно, что без активного римского вмешательства ситуация в царстве оставалась бы нестабильной. Поэтому можно с уверенностью согласиться, что на решение Помпея ликвидировать государство Селевкидов могло повлиять стремление навести, наконец, порядок в этом регионе (Mommsen 1995, 96; Rice-Holmes 1923, 212; Syme 1995, 121; Gelzer 2005, 99;

¹ Это действительно важно, если признать правильным высказывание Э. Шервин-Уайта, что Помпей предпочитал действовать в рамках законности (1984, 225). Вряд ли можно согласиться, что Помпей действовал в Сирии в рамках полномочий закона против пиратов (*lex Gabinia*), как утверждала Т. Лиебман-Франкфорт (1969, 290). См. также: (Southern 2002, 74).

² Некоторые исследователи полагали, что местные династы и арабские князья могли защитить провинцию, см.: (Scullard 2011, 89; Arrayás I., Heredia 2017, 136). О римских союзниках говорит и Т. Лиебман-Франкфорт, но признает, что их было недостаточно: см.: (Liebmann-Frankfort 1969, 314).

³ Некоторые исследователи настаивают на значимости экономических факторов, см.: (Sartre 2014, 253–269).

Sherwin-White 1984, 213; Christ 2004, 85; Murphy 1993, 141; Ball 2000, 20; Panov 2008, 68). Но было ли это стремление решающим для столь важного и необычного шага римского полководца?

Даже для достаточно стремительно менявшейся под напором военачальников римской внешнеполитической практики аннексия Сирии была необычным явлением. Селевкиды со II в. до н. э. носили титул «друзей и союзников римского народа». Забота о союзниках, хотя зачастую превращалась в пустой звук, но все же оставалась одним из основных принципов римской внешней политики. Поэтому, по нашему мнению, превращение в провинцию союзного царства, завещанного Риму самим царем, и аннексия государства с законным и признанным в Риме правителем — не одно и то же. Римляне, очевидно, признавали Антиоха XIII царем Сирийского царства и «другом и союзником» ещё во время его поездки в Рим в конце 70-х гг. до н. э.¹ Лукулл на совершенно законных основаниях лишь восстановил Антиоха в его наследственных владениях (Smykov E. V. 2013, 120; Argayás, Heredia 2017, 130.). Поэтому Помпей, отбирая у Антиоха XIII власть, не только отменял решение своего предшественника, но и, вероятно, нарушал постановление Сената². При этом, римский полководец даже не озаботился сколько-нибудь юридически приемлемым аргументом (Sullivan 1990, 204), открыто, если верить Аппиану (App. Syr., 49, 250; Mithr., 106, 499), заявив Антиоху, что Сирию римляне получают силой оружия. У того же Аппиана можно найти отголосок удивления самоуправными действиями римлян: античный автор в «Сирийских делах» (App. Syr., 49, 250) указывает, что у Помпея не было веских оснований ликвидировать власть Селевкидов³.

Хаос в державе Селевкидов, который отмечают исследователи, был не редкостью для римской периферии и, как правило, не слишком заботил римские власти. Скажем больше, постепенное ослабление, политическая нестабильность и деградация государственных институтов были, как правило, одним из следствий включения страны в систему римских союзных договоров. Можно напомнить историю Пергамского царства, Вифинии, птоломеевого Египта или близкой к Сирии Каппадокии. Но Каппадокия, которую Цицерон описывает как государство-банкрот, несостоятельное ни политически, ни экономически (Cic. Fam., XV, 4, 6; Att., VI, 1, 3), при всем при этом сохранила самостоятельность. Хотя, если следовать логике сирийского инцидента, то именно Каппадокия была наиболее подходящим претендентом на превращение в провинцию. Власть новой династии Ариобарзанидов была изна-

¹ Лишь Д. Браунд сомневался в том, что римляне признавали Антиоха царем Сирии, см.: (Braund 1984, 24).

² Высказывалось даже сомнение, что селевкидские земли входили в сферу полномочий Помпея, см.: (Murphy 1993, 141).

³ Античные авторы очень скупно и противоречиво описывают эти события (Just. 40. 2. 4; Plut. Pomp. 39, 3), что, вероятно, было вызвано отсутствием убедительной версии, которая бы оправдывала действия римлян. Но, кажется, более поздний источник сохранил отголосок реакции на специфические действия Помпея. Речь идет о странном указании византийского историка Иоанна Малалы, что Антиох завещал свое царство римлянам (Mal. P. 212.20). У этой информации не никаких подтверждений в более ранних источниках и она действительно могла быть отзвуком городской легенды, см.: (Downey 1951, 161; Smykov 2013, С. 124, прим. 63. Против: Bellinger 1949, 85, not. 116), которую антиохиец Малала включил в свой труд. Вероятно, эта не имеющая никакой исторической основы легенда должна была вписать необычную ликвидацию Сирийского царства в традиционную для римского Востока схему хотя бы в сознании самих антиохийцев.

⁴ Против, см.: (Sherwin-White 1984, 211).

чально нестабильна и держалась исключительно на римском вмешательстве (сложно найти монарха, которого бы изгоняли с престола столько раз, сколько Ариобарзана I)⁴. Элита страны была расколота на несколько партий, одна из которых была антиримской. Против Ариобарзанидов постоянно плелись заговоры. Ликвидация Каппадокии не несла и внешнеполитических рисков, так как ее территория была прикрыта союзными царствами. Однако Каппадокия ещё многие годы сохраняла призрачную независимость.

Можно предположить, что умиротворение Сирии и соседних земель не воспринималось частью римской элиты как жизненно необходимое для государства, хотя отказываться от новых приобретений и они не намеревались¹. Такая двойственность проявилась и у Цицерона, который публично восторгался успехами Помпея: «Сирия наша» (*Syriam esse nostram...* (Cic. Flac. 30)). Но, когда необходимо было унижить великого полководца и триумвира, Цицерон называл его в письмах именно Сампсикерамом (Cic. Att., II, 14, 1; Att., II, 16, 2) и Иерусолимарием (Cic. Att., II, 9, 1), хотя за время восточного похода Помпей покорил более десятка правителей и взял более десятка городов. Вероятно, у корреспондента Цицерона упоминание о «сирийских подвигах» Помпея должны были вызвать ироничную улыбку.

Нельзя с уверенностью говорить и о лояльности местного населения римской власти. Появления датировок монет по «эре Помпея» характерно лишь для некоторых городов и связано, очевидно, с привилегиями, которые получили именно эти полисы, а не все города Сирии. Вообще можно сомневаться в покорности любого населения, не только утомленного, но и развращенного десятилетиями гражданских войн. По крайней мере, уже через десять лет парфяне нашли союзников в Сирии (Dio Cass., 40, 28, 4). Можно согласиться с Р. Саймом, что Сирия представляла собой «странный конгломерат» (Syme 1995, 123)².

Значительно больше минусов, чем плюсов имела аннексия Сирии и с военной точки зрения. Многие исследователи говорят, что римляне были вынуждены захватить Сирию, чтобы ее не захватили другие соседи, как это прежде сделал Тигран II (Sherwin-White 1984, 213; 225; Sherwin-White 1994, 260; Butcher 2003, 22; Ehling 2008, 273; Shayegan 2011, 329; Sartre 2014, 253–269; Morrell 2017, 92, not. 254.). Но, во-первых, как раз захват Тиграном Сирии римлян совершенно не беспокоил. Во-вторых, неясно, кого должны были опасаться римляне — соседи Сирии были слабы, а парфян Помпей вряд ли рассматривал как реальную угрозу (Will 2003, 511, против: Butcher 2003, 22).

Не облегчала аннексия Сирии и защиту римских владений в Малой Азии. Киликия была надёжно прикрыта с востока Сирийскими воротами, в лёгкости защиты которых был уверен даже столь неуверенный в себе полководец как Цицерон (Cic. Fam., XV, 4, 4). Присоединив же Сирийское царство, римляне были вынуждены держать избыточные силы римских легионов на территории, которая не была окружена предпольем союзных государств³.

Перечисленные выше соображения позволяют предположить, что сложно объяснить исключительно заботой о внутренней стабильности владений Селевкидов

¹ См.: (Rising 2013, 204).

² “Such in brief is that strange conglomerate, the province of Syria.”

³ Интересно, что Р. Сигер (2002, 58), оправдывая создание Сирии, говорил, что Помпей действовал как полководец, а не как администратор. Но как раз в военном плане Сирия была далеко не самым выгодным приобретением.

радикальный и неожиданный шаг Помпея. На наш взгляд, на решение римского полководца могли повлиять именно внешнеполитические соображения. Действительно, трудно найти пример более неудачной оборонительной позиции против сильного соперника, чем Сирия¹. Однако, по нашему мнению, сирийские земли и не рассматривались Гнеем Помпеем Магном как часть защитной линии². Логика действий римского полководца подсказывает, что именно Сирия могла стать важнейшим элементом грандиозного восточного похода. Похода, который принес смерть Крассу, который был запланирован Цезарем, и который был столь неудачно реализован Антонием. Неудобная для обороны сирийская провинция оказывается очень удобным плацдармом для наступления на Восток (Butcher 2003, 22.)³.

Нельзя сказать, что предположение о связи образования провинции Сирия с возможным антипарфянским походом, не высказывалось в литературе ранее⁴. Однако исследователи ограничивались лишь краткими замечаниями, иногда приводившими к курьезам. Наиболее известно⁵ высказывание Э. Бэдиана о невозможности даже предполагать агрессивные намерения Помпея в отношении Парфии (Badian 1971, 75). В примечании исследователь достаточно резко характеризует такое предположение М. Ростовцева как «a wild fancy» («дикая фантазия») (Badian 1971, 75, not. 51). Но, что интересно, сам М. Ростовцев как раз и не говорит об агрессивности Помпея и его стремлении в будущем напасть на Парфию. Ученый указывает на то, что парфяне со временем могли повторить путь усиления по образцу Митридата VI и Тиграна II и претендовать на владение ослабленной Сирией (Rostovtzeff 1941, 870). Что сближает мнение М. Ростовцева с позицией многочисленных сторонников теории превращения Сирии в провинцию как ответ на парфянскую угрозу (Butcher 2003, 22; Amela 2003, 146, nota 38; Ehling 2008, 273; Mittag 2009, 185; Sartre 2014, 253–269). В недавней работе Д. Энгельса провинция Сирия была названа «стратегическим плацдармом» (Aufmarschgebiets), которым воспользовался Красс (Engels 2013, 93), однако автор не развивает свою мысль, лишь дает сноску на работу Герхарда Вирта (Wirth 1983) без указания конкретной страницы (Engels 2013, 93, Anm. 150). Г. Вирт на 56 странице лишь указывает, что из Сирии можно было угрожать Месопотамии, о чем было известно Сенату еще со II в. до н. э. (Wirth 1983, 56), но в целом автор видит в политике Помпея отказ от дальнейшей экспансии (Wirth 1983, 56–60).

В то же время, предлагаемая гипотеза, на наш взгляд, имеет право на существование. Неудачный поход Лукулла и удачный поход Помпея показали, что Армянское

¹ Даже если принять гипотезу Э. Шервин-Уайта о том, что римляне предпочитали защищать свои владения наступая, а не обороняясь. (1984, 227). Работа Т. Либман-Франкфорт, непосредственно посвященная римским восточным границам, создает впечатление ненадежности римской оборонительной позиции в Сирии. Однако нельзя согласиться с предположением исследовательницы, что именно слабость римского присутствия заставила Помпея отказаться от полной унификации провинции, сохранив множество автономных анклавов (Liebmann-Frankfort 1969, 300). Как раз такие анклавы и могли стать (и стали!) очагами нестабильности в случае нападения противника. И сама исследовательница в итоге утверждала, что мероприятия Помпея в Сирии нельзя назвать полностью удачными, см.: (Liebmann-Frankfort 1969, 303).

² О том, что территориальные преобразования Помпея подходили скорее для наступления, чем для обороны, см.: (Syme 1995, 121, 123).

³ Близкую позицию занимала и Т. Либманн-Франкфорт, хотя она видела плацдарм для наступления в заевфратских союзниках Помпея, например, Осроене (Liebmann-Frankfort 1969, 311). Очевидно, что арабские племенные земли, в отличие от Сирии, не могли быть реальной основой для наступления римских легионов.

⁴ См. краткое замечание у (Butcher 2003, 22).

⁵ Его полностью цитирует Е. В. Смыков: (2013, 123, прим. 57).

нагорье не самый благоприятный регион для быстрого перемещения больших масс войск. Не подходила на роль оперативной базы и Киликийская провинция, связанная с Сирией лишь узким горлышком Сирийских ворот. Сам же киликийский регион с крупными горными массивами и незначительным городским населением не позволял размещать значительные армейские силы. Иначе обстояло дело с Сирийским царством. Обширные и богатые земли, с достаточно высокой урбанизацией не только давали возможность сконцентрировать основные ударные силы, но и могли долгое время служить базой снабжения наступающих в Месопотамию армий (Schlude, Overman 2017, 93). Прикрытые с северного фланга достаточно сильной союзной Великой Арменией, римские легионы могли без опасения продвигаться на Восток.

Если принять гипотезу о планах Помпея создать условия для похода в Азию, то становятся оправданными и логичными многие действия римского полководца. Откровенное провоцирование конфликта с Парфией должно было обеспечить повод для новой войны. Быстрая и юридически сомнительная ликвидация державы Селевкидов объяснима необходимостью оперативно подготовить плацдарм для будущего похода. А географическая незащищенность Сирии не имела большого значения, так как провинция должна была вскоре превратиться в глубокий тыл римских войск¹.

Хотя у нас нет прямых указаний на подготовку непосредственно Помпеем новой восточной кампании², дальнейшие события показали, что почти все римские политики, обладавшие реальной силой, планировали или проводили подобный поход³. Наиболее ярко, на наш взгляд, планы Помпея подтверждает тот факт, что при распределении провинций между триумвирами, сирийское назначение рассматривалось как право на войну с Парфией (Mommesen 1995, 104; Debevoise 2008, 86; Liebmann-Frankfort 1969, 315–316; Smykov 2006, 213). Молчание же наших источников о дальнейших планах Помпея на Востоке⁴ можно объяснить и действиями Помпея по возвращению в Рим, и собственной пропагандой полководца⁵. Во-первых, основной целью Помпея в конце 60-х гг. до н. э. была конвертация своих военных и внешнеполитических успехов во внутривосточное влияние. Поэтому новый восточный поход, даже если он предполагался с участием самого Помпея, откладывался на более поздний срок, как и его открытая популяризация. Во-вторых, борьба за политическое влияние в Риме требовала представить Помпея безусловным победителем, о чем свидетельствовал грандиозный триумф. Пропаганда убеждала римлян, что Помпей достиг пределов обитаемого мира, уравнивая его достижения с победами Александра Македонского (Kühnen 2005, 79–80). В этих условиях анонсировать планы войны с ещё непобежденной Парфией было бы

¹ Отказ от прямого римского контроля за важнейшими переправами через Евфрат вряд ли может быть удачной оборонительной стратегией, как настаивала Т. Либманн-Франкфорт (Liebmann-Frankfort 1969, 306). Царь Коммагены не мог, конечно, удержать парфянскую атаку. Но для наступательной стратегии против парфян контроль за переправами не имел решающего значения. Вряд ли римские полководцы до 36 г. до н. э. опасались, что парфяне смогли бы создать и, тем более, защитить предместные укрепления.

² Возможность войны с Парфией предполагается некоторыми исследователями: см.: (Lerouge 2007, 61–62).

³ Исследователи видели предпосылки похода Цезаря уже в действиях Помпея, см.: (Malitz 1984, 25).

⁴ Не стоит видеть в гневной риторике Цицерона (Cic. Dom. 60; 124), как убедительно показал Е. В. Смыков (2006, 203), разоблачения реальных экспансионистских планов помпеянцев в лице Авла Габиния. Однако, необходимо отметить, что уже в первой половине 50-х гг. до н. э. в Риме назначение в Сирию рассматривалось как возможность наступления на Восток.

⁵ Подробно о пропаганде Помпея и ее влиянии на римское общественное мнение, см.: (Liebmann-Frankfort 1969, 311–316).

непредусмотрительно. А дальнейшая борьба за власть, вероятно, неожиданная для Помпея, привела к изменению планов полководца. Очевидно, что внутривластная ситуация в Риме, к которой Помпей был совершенно не готов, заставила полководца пойти на так называемый «первый триумvirат». Дальнейшее усиление политического противостояния сделало участие Помпея в операциях на далеком Востоке совершенно неприемлемыми, что в итоге привело к восточному походу под руководством Красса¹ и к превращению провинции Сирии в прифронтовую территорию. Что интересно, и после Карр римляне отказывались признавать евфратский рубеж своей восточной границей.

Переустройство Гнеем Помпеем римского Востока, таким образом, демонстрирует общую тенденцию среди римских полководцев. Помпей, создав провинцию Сирия, отвергал внешнеполитические принципы, характерные для сенатской традиции, изначально предполагая продолжение экспансии Рима на Восток. Поэтому не стоит видеть в Гнее Помпее Магне защитника Республики или республиканских ценностей (Ball 2000, 12, 21), продолжателя внешней политики создателей Империи II в. до н. э. В тех случаях, когда, как в ситуации с Великой Арменией, было выгодно применять старые римские внешнеполитические приемы, Помпей выступал традиционалистом, признавая враждебного царя «другом и союзником римского народа». Но когда реализация планов требовала другой линии поведения, то Помпей с лёгкостью отбрасывал условности и превращал в провинцию союзное царство не только без убедительных оснований, но даже без повода.

По нашему мнению, анализ устройства римской Азии в 66–64 гг. до н. э. позволяет утверждать, что Помпей своими действиями осознанно создал очаг напряжённости на восточных границах Республики, что неизбежно должно было привести к конфликту в будущем. И, следовательно, не отличался от других римских полководцев и политиков, для которых постоянные успешные войны становились основой политического влияния. Это, в свою очередь, может быть подтверждением того, что противостояние между Цезарем и Помпеем носило не столько идеологический, сколько личностный характер. В таких условиях при любом варианте разрешения конфликта радикальная трансформация Римской державы представляется неизбежной.

REFERENCE

- Amela L. 2003: *Cneo Pompeyo Magno. El defensor de la República romana*. Madrid.
- Arraybs I., Heredia C. 2017: *Reflexiones sobre la actuación de Pompeyo Magno en Siria y el encaje del reino de Judea a la luz de las fuentes literarias antiguas*. Barcino. *Monographica Orientalia*. 8, 125–159.
- Badian E. 1971: *Roman Imperialism in the Late Republic*. London.
- Ball W. 2000: *Rome in the East: The Transformation of an Empire*. London.
- Bellinger A. 1949: *The End of the Seleucids*. *Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences*. 38, June, 51–102.
- Beness L., Hillard T. 2013: *Rei militaris virtus... orbem terrarum parere huic imperio coegit: The Transformation of Roman Imperium, 146–50 BC*. In: D. Hoyos (ed.). *A Companion to Roman Imperialism*. Leiden, 141–154.
- Braund D. 1984: *Rome and the Friendly King. The Character of the Client Kingship*. London.
- Butcher K. 2003: *Roman Syria and the Near East*. London.

¹ Тот факт, что Помпей не воспользовался возможностью парфянского похода в середине 50-х гг. до н. э., не может быть аргументом, в пользу того, что Помпей был против парфянского похода вообще, ср.: (Morrell 2017, 182, not. 38). К этому времени ситуация в Риме, а с ней и планы Помпея, радикально изменились.

- Christ K. 2004: Pompeius. Der Feldherr Roms. Eine Biographie. München.
- Debevoise N. 2008: Politicheskaya istoriya Parfii. Saint Petersburg. (In Russian).
Дибвойз Н. К. Политическая история Парфии/ Пер. с англ. Санкт-Петербург.
- Dobiáš J. 1931: Les premiers rapports des Romains avec les Parthes et l'occupation de la Syrie. *Archiv orientální*. 3, 216–256.
- Downey Gl. 1951: The Occupation of Syria by the Romans. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 82, 149–163.
- Downey Gl. 1963: *Ancient Antioch*. Princeton.
- Edwell P. 2013: The Euphrates as a Boundary between Rome and Parthia in the Late Republic and Early Empire. *Antichthon*. 47, 191–206.
- Ehling K. 2008: Untersuchungen zur Geschichte der späten Seleukiden (164–63 v. Chr.): Vom Tode des Antiochos IV. bis zur Einrichtung der Provinz Syria unter Pompeius. Stuttgart.
- Eilers C. 2005: A Roman East: Pompey's Settlement to the Death of Augustus. In: A. Erskine. *Companion to the Hellenistic World*. Oxford.
- Engels D. 2013: Die städtischen Eliten der Kolonien der syrischen Tetrapolis zwischen Seleukiden, Armeniern, Parthern und Römern. *Electrum*. 20, 77–115.
- Ferrero G. 1915: Velichiye i padeniye Rima: v 5 t. T. 1. Moscow. . (In Russian).
Фереро Г. Величие и падение Рима: В 5 т. Т. 1. Москва.
- Gelzer M. 2005: Pompeius: Lebensbild eines Römers. Stuttgart.
- Girardet K. 1992: Imperium und provinciae des Pompeius seit 67 v. Chr. *Cahiers du Centre Gustave Glotz*. 3. 177–188.
- Keaveney A. 1981: Roman Treaties with Parthia circa 95-circa 64 BC. *The American Journal of Philology*. 102, 2, 195–212.
- Kühnen A. 2005: Die imitatio Alexandri als politisches Instrument römischer Feldherren und Kaiser in der Zeit von der ausgehenden Republik bis zum Ende des dritten Jahrhunderts n. Chr. Duisburg.
- Leach J. 1978: *Pompey the Great*. Oxford.
- Lerouge C. 2007: L'image des Parthes dans le monde gréco-romain. Du début du Ier siècle av. J.-C. jusqu'à la fin du Haut-Empire romain. Stuttgart.
- Liebmann-Frankfort Th. 1969: La frontiere orientale dans la politique exterieure de la République romaine depuis le traite d'Апамée jusqu' a la fin de la conquete asiatiques de Pompee (189/88—63). Bruxelles.
- Litovchenko S. D. 2005: Armyanskiy pokhod Gneya Pompeya. *Drevnosti [Antiquities]*. 6, 40–46. (In Russian).
Литовченко С. Д. Армянский поход Гнея Помпея. *Древности*. 6, 40–46.
- Litovchenko S. D. 2015: Tsarstvovaniye Tigrana II Velikogo v Sirii: problemy khronologii. *Antichnyy mir i arkheologiya [Ancient World and Archaeology]*. 17, 176–191. (In Russian).
Литовченко С. Д. Царствование Тиграна II Великого в Сирии: проблемы хронологии. *Античный мир и археология*. 17, 176–191.
- Malitz J. 1984: Caesars Partherkrieg. *Historia*. 33, 21–59.
- Mezheritskiy J. Yu. 2016: “Vosstanovlennaya respublika” imperatora Avgusta. Moscow. (In Russian).
Межеритский Я. Ю. “Восстановленная республика” императора Августа. Москва.
- Mittag P. 2009: Zur Integration Antiocheias in den römischen Herrschaftsverband. In: Rom und der Osten im 1. Jahrhundert v. Chr. Akkulturation oder Kampf der Kulturen? Akten des Humboldt-Kollegs Verona, 19.–21. Februar 2004. Cosenza, 177–198.
- Mommsen T. 1995: Istoriya Rima: V 5 t. V. 3. Saint Petersburg. (In Russian).
Моммзен Т. История Рима: В 5 т. Т. 3. СПб.
- Morrell K. 2017: Pompey, Cato, and the Governance of the Roman Empire. Oxford.
- Murphy J. 1993: Pompey's Eastern Acta. *The Ancient History Bulletin*. 7.4, 136–142.
- Panov A. R. 2008: Rim na severo-vostochnykh rubezhakh: vzaimootnosheniya s gosudarstvami

- severnogo Prichernomor'ya i Zakavkaz'ya v I v. do n. e. — pervoy treti II v. n. e. Arzamas. (In Russian).
- Панов А. Р. Рим на северо-восточных рубежах: взаимоотношения с государствами северного Причерноморья и Закавказья в I в. до н. э. — первой трети II в. н. э. Арзамас.
- Rey-Coquais J.-P. 1978: Syrie Romaine, de Pompée à Dioclétien// *The Journal of Roman Studies*. 68, 44–73.
- Rice Holmes T. 1923: *The Roman Republic and the founder of the Empire*: In 3 v. V. 1. Oxford.
- Ridley R. T. 2006: Antiochos XIII, Pompeius Magnus and the unessayed coup. *Ancient Society*. 36, 81–95.
- Rising T. 2013: Senatorial Opposition to Pompey's Eastern Settlement. A Storm in a Teacup? *Historia*. 62, 2, 196–221.
- Rostovtzeff M. 1941: *The Social and Economic History of the Hellenistic World*: In three volumes. Vol. 2, Oxford.
- Sartre M. 2014: Syrie romaine (70 av. J.-C. — 73 apr. J.-C.). *Pallas*. 96, 253–269.
- Schlude J. M., Overman J. A. 2017: Herod the Great: A Near Eastern Case Study in Roman-Parthian Politics// In: J. M. Schlude, B. B. Rubin (eds). *Arsacids, Romans, and local elites: cross-cultural interactions of the Parthian Empire*. Oxford.
- Scullard H. H. 2011: *From the Gracchi to Nero: a history of Rome from 133 B.C. to A.D. 68*. London — New-York.
- Seager R. 2002: *Pompey the Great : a Political Biography*. 2-nd ed. Oxford
- Shayegan R. 2011: *Arsacids and Sasanians: Political Ideology in Post-Hellenistic and Late Antique Persia*. Cambridge.
- Sherwin-White A. N. 1984: *Roman Foreign Policy in the East: 168 B.C. to A. D. 1*. London.
- Sherwin-White A. N. 1994: Lucullus, Pompey and the East. In: J. A. Crook, A. Lintott, E. Rawson (eds). *Cambridge Ancient History*. 2-nd ed. V. 9. Cambridge.
- Sicker M. 2000: *The pre-Islamic Middle East*. London.
- Smykov E. V. 2001: Rim i Parfiya: put' k dogovoru (Gney Pompey i parfyane). In: *Antichnost': obshchestvo i idei [Antiquity: society and ideas]*. Kazan, 118–129. (In Russian).
- Смыков Е. В. Рим и Парфия: путь к договору (Гней Помпей и парфяне)// *Античность: общество и идеи*. Казань, 118–129.
- Smykov E. V. 2006: Siriyskoye namestnichestvo Avla Gabiniya. *Antichnyy mir i arkheologiya [Ancient World and Archaeology]*. 2, 198–214. (In Russian).
- Смыков Е. В. Сирийское наместничество Авла Габиния. АМА. Вып. 2. 198–214.
- Smykov E. V. 2013: Siriya v 83–63 gg. do n.e.: ot anarkhii k provintsii. *Antichnyy mir i arkheologiya [Ancient World and Archaeology]*. 16, 112–125. (In Russian).
- Смыков Е. В. Сирия в 83–63 гг. до н. э.: от анархии к провинции. АМА. 16, 112–125.
- Southern P. 2002: *Pompey the Great: Caesar's Friend and Foe*. Stroud.
- Steel C. 2013: *End of the Roman Republic 146 to 44 BC: Conquest and Crisis*. Edinburgh.
- Sullivan R. 1990: *Near Eastern royalty and Rome, 100–30 BC*. Toronto.
- Syme R. 1995: *Anatolica. Studies in Strabo*. Oxford.
- Will É. 2003: *Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.)*. T. 2: Des avènements d'Antiochus III et de Philippe V a la fin des Lagides. Nancy.
- Wirth G. 1983. Pompeius — Armenien — Parther. *Mutmassungen zur Bewaltigung einer Krisensituation*. *Bonner Jahrbücher*. 183, 1–60.
- Wolski J. 1999. *The Seleucids: The Decline and Fall of their Empire*. Krakow.

Резюме

Литовченко С. Д. *Syriam esse nostram... (Cic. Flac. 30). Чому Помпей перетворив державу Селевкідів на провінцію?*

Статтю присвячено перетворенню царства Селевкідів в римську провінцію під час східного походу Гнея Помпея. Незважаючи на те, що причини, які підштовхнули Помпея до створення нової провінції, неодноразово обговорювалися в історіографії, питання про мотиви римського полководця залишається дискусійним. Ймовірно, певний вплив на дії Помпея мало прагнення впоратися зі внутрішньою нестабільністю в провінції, яка була викликана багаторічною громадянською війною. Однак аналіз джерел показує, що вирішальний вплив на дії Помпея надав зовнішньополітичний фактор — прагнення використовувати нову провінцію як плацдарм для майбутнього походу проти Парфії. В цьому випадку можна пояснити і відверте порушення римських зовнішньополітичних принципів — позбавлення влади визнаного Сенатом Антіоха XIII, і військову незахищеність провінції Сирія і навмисне погіршення відносин з парфянами. Лише зміна ситуації в Римській республіці не дозволили Помпею реалізувати свої задуми.

Ключові слова: Рим, Помпей, провінція, Парфія, Селевкідів, Сирія.

Summary

S. Litovchenko. *Syriam esse nostram... (Cic. Flac. 30). Why did Pompey turn the Seleucid state into a Roman province?*

The article is devoted to the transformation of the Seleucid kingdom into a Roman province during the Eastern campaign of Pompey. Despite the fact that the reasons that pushed Pompey to the creation of a new province were repeatedly discussed in historiography, the question of the motivations of the Roman general remains controversial. Probably, a certain influence on the actions of Pompey had an aim to cope with internal instability in the province, which was caused by years of civil war. However, an analysis of the sources shows that the foreign policy factor had a decisive influence on the actions of Pompey— the desire to use the new province as a bridgehead for a future campaign against Parthia. In this case, a overt violation of the Roman foreign policy principles can be explained — depriving of power of Antiochus XIII who was recognized by the Senate, the military vulnerability of the province of Syria and the deliberate deterioration of relations with the Parthians. Changing the situation in the Roman Republic did not allow Pompey to implement his plans, but the war with Parthia for many decades remained one of the priorities of many Roman leaders, such as Marcus Licinius Crassus, Gaius Julius Caesar and Mark Antony. On the other hand, the new province, which was not defended by the buffer system of the allied kingdoms, itself was exposed to the blows of the Parthian cavalry. In general, the assumption of aggressive intentions of Pompey suggests that the Roman commander in his actions easily abandoned the traditional foreign policy methods of the Roman Senate for political expediency, therefore you should not see in the Pompey a conscious defender of "republican values".

Key words: Rome, Pompey, province, Parthia, Seleucids, Syria.

